

IN THE GRIM DARKNESS OF THE FAR FUTURE THERE IS ONLY WAR!

WORDS OF BLOOD

EDITED BY MARC GASCOIGNE & CHRISTIAN DUNN

WARHAMMER
40,000

Джонатан Каррен

Бездна

Ночь и место, тихое словно торг.
Единственный звук -- нежный звон
шелестящих высоко под потолком цепей,
соединяющих

механизмы крана, передвигающегося по
всей глине помещения. Машины тихо
жужжат, лишь слабое движение воздуха
указывает

на то, что они работают. Случайные
блики выхватывают из сутерек проходы и
балконы, лестницы и альковы. Место
раскопок РЗ47

внутри огромного улья, рабочие и машины,

как безмолвные насекомые, термиты, на службе Богу-машине.

Техно-брат Крэйнс за своим верстаком склонился над еткостью с очень вязкой субстанцией. В эту мазь было погружено множество

сложных механизмов, тонких металлических пластинок и проводов, связанных между собой в запутанную фрактальную структуру.

Крэйнс шептал молитвы, манипуляторами-перчатками нежно гладя тонкие провода, являющиеся проводниками божественной

силы, запертой в устройстве.

Он потянулся, распрямляя ноющую спину. Вытащив манипуляторы, он кладет их на верстак, и поднимает на лоб оптические усилители зрения. Закрепив их там, он трет пальцами уставшие глаза. Он работает с механической оптикой всю жизнь, но все же

твердо отказывается от био-имплантов для себя, заявляя, что разрешит их, лишь

когда увидит себя в могиле.

Что-то. Шум, еле слышный.

Крэйнс огляделся.

- Эй.

Он говорит тихо, чтобы не нарушить спокойствие этого места.

Он ценит тишину и одиночество, и из-за этого предпочитает работать ночью. У него не хочет тревожить её.

- Здесь кто-то есть?

Ничего.

Он возвращается к работе, щелчком вернув очки на глаза. Деталь возникает в поле зрения, большая как кулак. Он берет манипуляторы.

Грохот, что-то разбивается за его спиной.

Он разворачивается, и нечто заполняет его обзор, оптика пытается выявить смысл в изображении, увеличенном в сотни раз.

Потом всё завлакивает красный туман, потому что что-то твердое и острое

разбивает окуляры, погружаясь в плоть
вокруг глаз, круша кости и наполняя голову
огненной болью.

Последнее, что он слышит перед тем, как
тьма смерти окутала его, это
приглушенное шарканье одетых в тапочки
ног, быстро
приближающееся к нему.

...

Эхо Двенадцать, направление три-три-
ноль, дистанция сорок километров.
Разрешение на посадку получено, ког
голубой-сеп-
ноль-сеп. Прием.

Взрыв статики. Пауза.

Эхо Двенадцать, посадка разрешена.
Направление на посадку сеп-ноль-сеп.

Имперский челнок тедленно летел сквозь
облачный покров, его крылья давили
тяжелый густой воздух. Красная пыль,
выбрасываемая в атмосферу
промышленными трубами, понадая в
двигатели, заставляла грозить лопасти
винтов. Вокруг

крошечного судна забывал ветер, словно воздушные демоны, соревнующиеся в том, кто быстрее проглотит кораблик.

Инквизитор Ансельм наблюдал за игрой красных перекрестий воздушной связи на лице пилота, старающегося держать челнок на

указанном курсе. Его правая рука лежала на управлении судном, а бионические глаза всматривались в облака в поисках первых огней посадочной площадки. Из динамиков кабины лилось бормотание на машинном языке — когитаторы сообщали пилоту данные

со скоростью в несколько тысяч слов и бинарных кодов в минуту.

Изучая вихрящийся водоворот за передними окнами челнока, он с удивлением увидел, что собственное отражение смотрит на него.

Морщинистое лицо, обветренное за многие годы служения Императору, делало его старше своих лет. Штифты над глазами

вспыхивали в такт мерцанию огоньков консоли. Щетка коротко стриженных белых волос, темные полуприкрытые глаза, властный

нос делали его фигуру внушительной, заставляя людей думать перед тем, как вступить с ним в разногласия. Он прекрасно знал, какие преимущества это ему давало.

Вглядываясь в свое отражение, он вдруг почувствовал какое-то неудобство и отвернулся. Нетерпение стало невыносимым, и он

заставил себя успокоиться. Прошло много времени с тех пор, как он в последний раз видел Кантора, много лет, и, надо признать, я, он ждал встречи со старым другом. Но это не было единственной причиной, почему он был рад этому заданию. Было кое-что еще — возможность провести расследование преступления, входящего в узкие рамки имперской юрисдикции. Один короткий прыжок через неведомое пространство. Прежде он никогда не путешествовал в такую даль, а

теперь он входил в атмосферу Бездны, планеты, которая несмотря на годы интенсивных археологических исследований, так и осталась загадкой для имперских ученых. Кто знал, что может случиться так далеко от центра Империи? Не то, чтобы подобная ситуация была важна для имперского инквизитора, но задним умом он понимал, что взявшись за это дело, он мог продвинуться по пути к высшим эшелонам Инквизиции.

Челнок пришвартовался, и пилот отсоединил себя от консоли управления, вид у него был довольно бледный — сказалась

концентрация сил, потраченных на посадку. Ансельм отстегнулся, и сиденье вновь начало принимать свою форму, очертания тела

на нем стали таять, как только инквизитор покинул его. Люк челнока раскрылся с шипением воздуха, и как только он вступил на

пандус, его чувства были стетены

запахами озона, масла, металла и
промышленных растворителей. Усиленная
система обоняния

легко различила дюжину различных
химических компонентов, но прежде, чем
тогда зарегистрировал их, он услышал, что
его зовут

по имени:

- Ансельм! Ансельм! Как я рад, что ты
это сделал.

Он взглянул в сторону двойных дверей
ангара. К нему приближался тощий
длинный человек, одетый в коричневую
робу с кожаным

передником, на котором висели
инструменты, различные измерительные
и оптические приспособления. Лицо
человека было

красное и немного вспотевшее. Они сжали
друг другу предплечья в старом дружеском
пожатии. Кантор жестом показал, что
надо

идти и они сели в открытую кабину
монорельса, которая только что

подъехала.

Монорельс тихо начал движение и Ансельм первым высказал свои мысли:

- Кантор, я рад тебя видеть. Как же давно это было. Меня печалит то, что после всех этих лет, нам выпал шанс встретиться при

столь зловещих обстоятельствах.

- Ты читал отчет? Тут случилось что-то неестественное. Я рад, что ты здесь.

- Всё это тебя сильно взволновало, - это был не вопрос, а утверждение. -- Ты выглядишь слишком возбужденным. Не выпался?

Чем-то обеспокоен?

- Да нет, спалось прекрасно. Ты всегда прежде всего был апотекарием. Но я беспокоюсь не об этом.

Кантор протянул руку к панели у дверей и нажал несколько кнопок. Монорельс замедлился, на консоли затерцали огоньки.

Ансельм посмотрел на него:

- Ты о чем? Есть что-то, о чем ты хочешь мне сказать? Вспомни, я являюсь

здесь ушами Императора. Можешь ничего не скрывать.

Кантор понизил голос:

- Есть кое-что, о чем ты должен знать. Ты не единственный имперский инквизитор на Бездне.

Ансельм почувствовал, как внутри всё сжалось:

- Что ты имеешь в виду?

Его груз затолк, и в это же мгновение кабина медленно остановилась, двери мягко разошлись со звуком шипящей пневматики.

Инквизитор вошел в глиняную комнату. В одном конце было огромное, на всю стену, окно. На его фоне, отраженные солнечным светом, стояли две фигуры, одна побольше, другая поменьше. Ансельм направился к ним, и тут эта пара развернулась.

В ошеломлении Ансельм остановился, но мгновенно взял себя в руки:

- Грозно! Что, во имя Императора, вы тут делаете?

Длинный человек улыбнулся улыбкой, которая заставила кровь Ансельма вскипеть. Маленький человек выглядел смущенным. Но

быстро опомнившись, он поприветствовал Ансельма, слегка поклонившись - как равному. Ансельм ответил тем же, не сводя глаз с

Грозена.

Инквизитор Грозэн был много выше Ансельма, и намного старше. Его глаза были холодны и словно смотрели в некую точку, словно

взглядывались куда-то в тундру его родного мира пристальным взглядом; свисающие длинные усы придавали его лицу унылое

выражение. Он носил грубую одежду, подпоясанную огромным ремнем, с которого свисало несметное количество инструментов, оружия и ножей, и приспособлениями, о назначении которых лучше не знать. Всем своим видом он словно показывал, что не

потерпит всякое сумасбродство, царящее

при дворах и во дворцах по всей галактике.

Он слыл несгибаемым и суровым человеком.

Ансельм мог бы это подтвердить -- и именно его репутация, без сомнения, привела его на Бездну. Не удивительно, что Кантор был

взволнован.

Первым нарушил молчание низкий человек:

- Как видно, вы знакомы?

Трогэн повернулся к коротышке:

- Ансельм был моим учеником. Перед тем как получить звание инквизитора, он был на моем попечении.

- Это было много лет назад, - прервал его Ансельм и затолк, ругаясь на себя. Всё это было давно, так давно, что его гнев на

опекунство Трогэна должен был уже пройти. -- Инквизитор и я до этого работали вместе. Мы хорошо знаем методы друг друга.

Наши отличающиеся способы ведения дел охватят все возможное в этом

расследовании.

Он многозначительно посмотрел на Грозена и успокоился, видя, что тот уступил. Грозен просто что-то проворчал в ответ и кивнул

на стоящего рядом человека:

- Ансельм, это Эрмет, старший эксплоратор, отвечающий за работу здесь, на Бездне.

Эрмет поклонился, протягивая руку Ансельму. Его рукопожатие было сильным, кожа грубой и обветренной. Лицо грубое, открытое.

- Святая Инквизиция всегда долгожданна на Бездне, - сказал он. - Вы прочитали доклад Кантора?

- Да, но я хотел бы услышать всё из ваших уст. Существует много способов повествовать одну и ту же историю.

- Тогда пойдёмте за мной. Когда вы это увидите, поймете больше, чем если бы слышали.

Эрмет провел их через двойные двери и далее вниз по лестнице. Толчком открыв

простую дверь, он забел их в чистую светлую

комнату, пахнущую антисептиком. Вдоль стен стояли стойки с хирургическими инструментами, операционный стол освещен яркими

лампами. За зеленой занавеской, едва видимой от дверей, находился ряд каталок, на каждой покоилось тело, накрытое покрывалом.

Старший эксплоратор отдернул в сторону занавеску и встал возле первого тела.

Резким движением он сдернул покрывало с трупа. Много чего повидавший Ансельм все же почувствовал тошноту. Ему довелось

участвовать в боях и видеть смерть от нанесенных в ближнем бою ужасных ран, но тут были не боевые раны. Лицо было

искалечено до неузнаваемости, большие глубокие отметины наводили на мысль, что дикий зверь разорвал его сверху донизу.

Челюсть была сломана неистовым ударом, рот открыт, что заставляло группу выглядеть так, словно он застыл в немом крике. Один

глаз был вырван, глазница разорвана, но другой смотрел сквозь рваные веки.

К действительности его вернул голос Эрмета:

- За последние восемь рабочих циклов мы потеряли шестерых из нашей группы. Первым пропал Алек, его нашли в четвертом

секторе, одном из центральных районов, затем один за одним начали пропадать другие, каждого находили всё глубже и дальше к

сердцу города. Теперь Крэйнс, он работал в самой дальней части раскопок...

- А насколько большой город? -- спросил Ансельм. -- Всё, что я видел, когда подлетал, это бункер и посадочную площадку.

Эрмет застонал:

- Это всё, что вы бы увидели. Бункер --

всего лишь самая высокая точка города,
шипиль, если вам так угодно, сам же
огромный город

скрыт под песками. Когда-то давно он
возвышался над землёй, но в прошедшие
эпохи произошло нечто, что погрузило его
в пески, и теперь всё, что находится на
поверхности -- только его частичка.

- И как далеко он простирается?

- Под нами город протягивается более,
чем на пять километров. Пока мы
составили карту лишь центральной
части. Чем ниже мы

спускаемся, тем шире он становится -- по
нашим оценкам, в самых глубоких точках
он достигает десяти километров в
диаметре -- и

тем меньше мы о нем знаем. Этот город --
невероятно сложная конструкция, но
Кантор лучший техножрец -- эксплоратор.
Всякий

раз как мы начинаем стопориться,
Кантор советует нам, где копать дальше,
и всякий раз после этого мы продвигается

вперед

настолько, насколько только может.

- Как я и говорил, Алек был в четвертом секторе, тремя километрами ниже. Наши сервиторы только прорубились в новый участок --

здесь очень много рабочего времени уходит на прорубание и копание в развалинах для того, что бы попасть на новые уровни -- а

этот уровень был очень старым. В нем было меньше стали и бетона, большая часть зданий построена из огромных тесанных

каменных блоков.

- Мастерство строителей этих домов было на очень высоком уровне, между каменными блоками почти не было зазора.

Это весьма

впечатляет.

- Один из наших агентов использовал геохронный прибор, пытаясь определить возраст этой области. То, что случилось дальше, мы не могли предвидеть, но

бугимто, одун из блоков в перекрытиях
расшатался. Он упал, заблокировав коридор
и отрезав этого

человека от остальной команды. А потом
случилось это. На него напали. Все
слышали его крики, полные боли и страха,
с той

стороны. Это было ужасно.

- Вы тоже были там? - спросил Грозэн.

- Нет, не был. Я был здесь, в медотсеке.

- Одун?

- Да.

- Что насчет других тел? -- перевел на
другую тему разговор Грозэн.

Замолчав, Эрмет пошел от каталки к
каталке, сдергивая покрывала с трупов,
пока не открыл все тела, лежащие бок
обок словно на

переключке у смерти. Каждое было ужасно
изограно, содранная кожа обнажала
мышцы, кое-где кости, сломанные и
раздробленные, проступали сквозь
разогранную плоть.

- Остальные пропавшие были найдены на

нижних уровнях города. Я был вынужден приостановить все дела до вашего прибытия.

Ансельм скептически посмотрел на него поверх занавесок.

- И какова же причина смерти каждого из них? -- спросил он Эрмета.

Грозэн хмыкнул:

- Я думаю, что причина смерти довольно очевидна. Определенно это нападение дикого зверя, возможно генокрада, или еще какой-

то разновидности тиранига. Нечто большое и очень опасное. Посмотрите вот на этого -- руки оторваны. Осложнение простого --

одно из ваших постоянных...

Тут его осенило и он повернулся к Эрмету.

- Старший эксплоратор, я думаю, это явный случай ксенозаражения неизвестного типа. Если нет каких-то доказательств обратного, то я бы сказал, что это не преступление. Я полагаю так -- пока мы здесь, мы ищем вашего пропавшего

техножреца, выслеживаем

всё, что двизается и убирается отсюда.

Он развернулся к Ансельму:

- Кантор уже пояснил мне, что пропавший жрец собирался работать в недавно открытой области раскопок, в двадцать восьмом

секторе. Полагаю, начнем поиски оттуда. Эрмет, у вас тут есть оружие?

- Нет. Мы здесь работаем уже на протяжении многих лет и никогда не сталкивались с врагами. Мы далеки от торговых путей, не

испытываем проблем с пиратами и ксеносами. Имперские зоологисты не обнаружили на планете враждебных форм жизни и

поставили её зелёную оценку безопасности.

- Ну, всё понятно, - прервал его Грогэн. -- Очень скоро тут не будет вообще никакой угрожающей кому-либо местной живности.

Затем он немного тише произнес: -

Инквизиция это орудие очищающего огня.
Пришло время огня и пламени.

С этими словами он развернулся и вышел из медицинского отсека.

- Угнетте за мной, - Ансельм поспешил за инквизитором.

Они догнали его в комнате управления, где он подождал Кантора, который повел их дальше. Техножрец вручил каждому фонарик и

повел из диспетчерской к лифтам. Ансельм чуть отстал, доставая гробовик из рюкзака, но быстро догнал их. Войдя в лифт, они

затерли, пока Кантор тыкал пальцами по кнопкам. Дверцы закрылись, мягкий жужжащий звук заполнил кабину, и лифт дв

ощутило начал опускаться. Резкого спуска почти не ощущалось, но у Ансельма заложило уши прежде, чем лифт мягко остановился

минуту спустя. Дверцы открылись, и они вышли из лифта.

Комната была больше похожа на зал. Она чем-то напоминала большую площадь для собраний или молитв. Стены когда-то были

расписаны прекрасными картинами, но время и вода уничтожили их, оставив лишь разрушенные фрагменты. То, что давным-давно

было строением, превратилось в гнившую щепу и разбитую кладку, заваленную на сторону. По краю комнаты лежал толстый

слой пыли, но середина была начисто вытерта бесчисленными ногами жрецов за многие годы.

Они двинулись через зал, впереди шел Грозэн, поднимая ногами пыль. За ним семенил сандалиями Кантор, замыкал группу

Ансельм. Они прошли через двери и очутились в широком ведущем вниз коридоре, больше напоминающем дорожку. Но обе его

стороны было множество дверей и

ответвляющихся коридоров, ведущих в
другие помещения. Тут и там виднелись
выгоревшие

машины, выглядящие невероятно
старыми. Дверные проемы иногда были
блокированы сломанными дверями,
слетевшими с

петель. Время от времени они проходили
мимо каких-то темных пятен на стенах и
полу. Выглядели они как пролитое масло
или
нефть.

Они проходили через множество
перекрестков, освещенных яркими
фонарями, установленными на
раскопках, в которых

работали команды эксплораторов.
Высокие опоры поддерживали кровлю,
сейчас завешанную сетями, похожими на п
аутину,

сотканную давно сгинувшими существами.
Он видел балконы, бельэтажи с
перекинутыми между ними мостами.
Ансельм вздрогнул.

Внезапно он понял, что они шли по самому
сердцу великого города, города, который
мог бы сравниться своим блеском с любым,
что он видел, но сейчас разрушенного и
пустого. Мысленным взором он видел
магазины, склады, дворцы, сады, дороги и
тропушки, когда-то роскошные, а теперь
откопанные и пустые. На стенах он
замечал следы от пуль, болтерных
снарядов и ожоги лазерного

огня. Вокруг было тихо, но за периметром
света, образованного дуговыми лампами,
он ничего не видел. Удобней обхватив
свой

гробовик, вес которого действовал
успокаивающе, он взгляделся во тьму. Луч
его фонаря вильнул, когда он опустил
оружие к бедру.

Большие петли черных кабелей
протягивались с той стороны, откуда они
пришли, несомненно, предназначенные для
подачи

энергии к более глубоким раскопкам во
внутренностях города. Дуговые лампы
бросали резкие тени, и когда они проходили

лито

каждой из них, Ансельм видел силуэт Трозэна, вырастающий на стене впереди него, а затем опадающий, когда инквизитор шел

дольше большими шагами, его крепкое тело казалось подскакивающим.

Кожу закололо, краем глаза он заметил движение. Он повернул голову, направляя в черноту яркий свет фонаря, но ничего не увидел, лишь пустую дыру там, где часть стены дома обрушилась. Он вновь переключил внимание на группу.

- А мы что-нибудь знаем о городе, его жителях? -- спросил Ансельм Кантора.

- Вообще ничего, - ответил тот. -- Сам по себе город очень старый, но кроме самих зданий, который вы видите вокруг, нам открылось очень немного. Это часть тайны -- нет ничего в древних хрониках о городе, или даже цивилизации, настолько отдаленной от галактического ядра. Что бы здесь ни было, оно было хорошо скрыто от основных маршрутов и было

самодостаточно. Мне хотелось бы думать, что это было своего рода пиратское сообщество или приграничный мир, но размеры и

сложная структура города это не подтверждают. Тут нет практически никаких свидетельств того, как они жили, кроме этих зданий.

Судя по сильным повреждениям, тут могла быть сильная битва, но с кем, мы не можем сказать. Прошедшие столетия скрыли кучу

свидетельств этого — мы находим кости, но от них практически ничего не осталось, одежда сгнила, даже металл сильно проржавел.

Ансельма пробрал озноб. Чувство, что за ними наблюдают, не проходило, но он не видел признаков, что здесь кто-то есть. Темные

окна зданий, казалось, пристально за ним следят, но вновь и вновь он чувствовал, как нечто смотрит на него из-за каменных опор

или разломанных стен. Он потряс головой, пытаясь прояснить зрение. Нельзя позволить себе вообразить, что видишь давно

прошедшую жизнь города. Он посмотрел вперед. Они приближались к сужению дороги, больше похожему на туннель.

Ансельм вновь прислушался к тому, что говорит Кантор:

- Эта часть города была накрыта каменной лавиной. Нам пришлось провести сложные работы по раскопке завалов, так как датчики

показывали, что город продолжается дальше этого района. Что было довольно таки сложно, скажу я вам. Эти камни тверды как

адамантий. Мы истерли сотни буров, но в конце концов... А, мы уже пришли. Как видите, приложенные усилия стоили того, что мы

нашли.

Они подошли к концу туннеля. Перед ними была стена, сложенная из массивных

каменных блоков, подогнанных с такой точностью, что лишь тончайшая линия отделяла один от другого. В основании стены виднелось отверстие около двух метров в высоту и

полметра в ширину. Отверстие обращала надпись на языке, который они не могли прочесть.

- Перевод стал для нас невыполнимой задачей; мы послали эту надпись в Екклезиархию для перевода, но ответа так и не

получили, - немного застенчиво произнес Кантор. -- Этот вход закрывал камень. Боюсь, нам пришлось использовать заряды, чтобы

сдвинуть его. И что интересно -- заметьте, другие блоки не пострадали при взрыве. Тот камень был сделан из более мягкого материала, чем остальные в стене. У нас на счет этого нет никаких идей, мы послали фрагменты на анализ, но результатов всё

также нет.

Чтобы пролезть в дверь, Ансельму пришлось нагнуться, и когда он вновь поднял голову с другой стороны стены, то от изумления

перехватило дыхание. Перед ним, освещенный мягким светом софитов, светосфер, уходил вниз коридор, тянувшийся, кажется на

километры. Его ширина была едва шире прохода, ведущего в него, но высотой он был в сотни метров. Пол был покрыт тонким слоем пыли, которая взметнулась в воздух, едва он вступил в неё.

Появился Грозэн:

- Впечатляет.

Он прошел вперед, плащ за ним развевался, поднимая вверх маленькие пылевые бури:

- Но у нас нет времени на осмотр достопримечательностей. Моя работа заключается в борьбе с еретиками, а не в попечительстве

историков. Всю эту чепуху следовало оставить под землей, где ей и место. Империям лучше всего защищают

хеллганы и слово

Императора, а не всякие древние
безделушки. В настоящее время я горю
желанием найти вашего пропавшего жреца
и как можно

быстрее.

- Или его труп, - добавил он мрачно. -- Если
здесь есть что-то живое, то я хочу
выследить его и уничтожить так, чтобы
мы смогли

уже покинуть этот кусок камня.

Кантор гневно запыхтел.

- Поидемте, - сказал Ансельм. -- В любом
случае, пока мы что-то тут ищем, оно
может вновь напасть.

Кантор повел всех вниз по огромному
коридору. Ансельм в раздумье смотрел
вверх. Потолок над ним поднимался
высоко, уходя во

тьму. Где-то на полпути впереди,
выднелась темная полоса камней,
пересекающая пол и уходящая высоко вверх
по обе стороны

коридора.

Кантор заметил, что Ансельм увидал это:

- Это каленый базальт. Полоса делит коридор пополам. Наши козиторы предположили, что, Император знает когда, стена

расплавленной лавы разделила пополам этот коридор. Со временем она остыла и превратилась в превосходную базальтовую стену. Мы пробивались сквозь неё с помощью мощных лазерных буров. Базальт простирается на сотни метров в каждом направлении, словно некий защитный барьер. Мы знали, что как только пробьется сквозь него, то попадем в самое сердце города --

мы полагаем, что это может быть неким подобием поглотителя тепла или хранилищем для энергетических запасов. Всё, что мы

знаем, это то, что тут полно еще расплавленной магмы, сдерживаемой огромным весом породы.

Они прошли кольцо базальта и через

некоторое время коридор выравнился. Чуть позже он вывел их в помещение шириной метров

десять. В вагонетках лежала различная аппаратура, кабели и неподключенные светосферы валялись гругами на полу, и было

слышно постоянное жужжание. Ансельт решил, что это кондиционеры закачивают сюда свежий воздух и откачивают израсходованный. Над головами комнатной опоясывали балконы, и оттуда доносилось слабое позвякивание цепей, раскачиваемых на

незаметном ветерке.

Кантор остановился:

- Это сердце Бездны. Это самая глубокая часть, куда мы прокопались.

Возле верстака, лицом вниз, лежало тело. Вокруг головы растеклась лужа крови, она же спеклась в спутанных волосах. Мозги и кровь забрызгали стены. Грогэн жестом пропустил Ансельта вперед.

- Ансельт, вы же у нас хирург-он, если я не

ошибаюсь. Что вы можете сказать нам по этому случаю?

Ансельм выступил вперед, перешагнув вытянутые ноги трупа. Наклонившись, он осторожно перевернул тело и чуть не задохнулся

от ужаса. Вся передняя часть тела человека была просто вывернута, в груди зияла дыра, руки держались на лоскутах изодранной

кожи. Темные дыры на месте глаз палились в никуда, кровь сочилась из глазниц, засыхая на щеках ручейками черных корок.

- Здесь я не много могу сказать. Нам надо отнести его в медлабораторию. Там я его и осмотрю.

Он отвернулся от избитого трупа и начал осматривать комнату, в которой они находились. Стены были сложены из небольших

кирпичиков грязного цвета, скрепленных чем-то вроде грубого цемента. Стоящая в углу светосфера была направлена на стену,

на

грубой кладке которой вспышки света
рисовали демонические образы. Кроме
набрызганной крови, на стене не было
других

отметок.

Кроме...

- Что это такое? -- Ансельм провел
пальцем в одном месте стены. Кирпичи,
казалось, здесь были более грубыми, менее
обработанными. Его кончики пальцев
нашли линию чуть выше пола и
проследовали по ней вверх по стене почти
на полметра выше

головы. Затем она резко свернула на
девяносто градусов и продолжилась
горизонтально еще метр.

- Дверь, - выдохнул он. -- Кантор, взгляните
на это.

Техножрец приблизился и пригляделся к
линии.

- Вы правы, - сказал он. -- Дверь. Мы бы
никогда её не нашли, если бы не ваша
внимательность.

Грозэн равкнўл на Эрмета:

- Быстро сюда сервиторов. Я хочў, чтобы помещение опечатали и хочў знать, что за этой стеной.

Эрмет поклонился:

- Я прослежў за этим, инквизитор.

Ансельм обошел комнату, запоминая каждую мелочь на слўчай, если догадка придет к нему позже. Затем неохотно они подняли

труп, завернули в кусок брезента, и положили в одну из вагонеток, стоящих в стороне. Ансельм ўже обдумывал это дело, машинально толкая тележку вперед.

Когда они еще раз пересекали лабиринт переходов мертвого города, он вновь почувствовал, что волосы на затылке начинают

подниматься. На границе зрения, в темных проходах и дырах, что они проходили - он мог поклясться, что видел глаза, нyalющиеся

на него, сотни мерцающих, нетигающих глаз. Но как только он поворачивал голову,

и фонарь освещал тьму, он не видел ничего, лишь пустую черноту туннелей. Он был уверен, что это всего лишь воображение, но казалось, что он слышит стех; стех сухой, пыльный и чуждый. Он потряхнул головой и звуки исчезли.

Напряжение может скоро сказаться на нем — ужасающий треп, который они нашли, и понимание того, что Грозэн, как и когда-то, приставляет за ним. Что если всё это было своего рода проверкой? Что если Грозэн отправлял отчеты о том, как он справляется

с этим расследованием, показал ли он достаточную преданность и рвение?

Что если... Что если, сердито одернул он себя, взять себя в руки и оставить волнения на потом. Ему надо сделать вскрытие трупа

и, несмотря на его отвратительное состояние, он ждал этого с нетерпением; возможность противопоставить его острый интеллект

против чего-то, что, в конечном счете, может принести разгадку тайн.

Путь до медотсека занял некоторое время. Тело положили на операционный стол и развернули брезент. Кантор и Эрмет отошли к

противоположной стене, стараясь не смотреть, а Грозен подвинул поближе высокий табурет.

Нагев пару прозрачных хирургических перчаток, Ансельм принялся за работу, отрезая клочки оставшейся человеческой кожи от

мертвого тела и откладывая их в сторону.

При этом он, как всегда, бормотал -- привычка, оставшаяся еще с тех дней, когда у него был мед-сервитор для записи результатов

вскрытия.

- Хм, количество глубоких разрезов торса, большей частью вертикальных... незначительно повреждено солнечное сплетение... как

видим, с левой стороны сломано ребро, сильный удар в плечо, без перелома. Очень

интересно... - голос затер, пока Ансельм
потянулся взять пару окуляров и
маленький скальпель. Он склонился над
телом и осторожно поднял и откинул
кожу на груди трупа.

- Очень интересно, - еще раз сказал он,
искоса смотря через окуляры.

- Что это? - требовательно спросил
Грозэн.

- Я пока не могу сказать... Мне надо еще... -
пробормотал под нос Ансельм.

Он начал обследовать то, что осталось
от лица трупа. Взяв ватный тампон и
обмакнув его в спирт, он начал стирать
засохшую

кровь с кожи. Под слоем крови открылись
бледно-фиолетовые распухшие порезы.
Кантор отвел глаза, заглушая рвотные
позывы.

Эрмет побледнел. Грозэн стоически
наблюдал, изредка потирая висок. Теперь,
когда лицо трупа было чистое, пустые
глазницы

выглядели зловеще, и, несмотря на то,

что глаза отсутствовали, Грогэн
казалось, что они наблюдают за ним.

Спустя некоторое время Ансельм
пробормотал:

- Ну а теперь всё еще интересней...

Грогэн потерял терпение, вскочил и
склонился над телом на столе.

- Ради Императора, что ты там
бормочешь?!

Ансельм снял окуляры и стянул с рук
перчатки.

- Здесь поработал не зооморф, не зверь, как
мы думали. Эти следы оставлены
когтями, но определить, что это за
существо я могу.

Однако причиной смерти послужили не
они, есть кое-что более интересное.
Обратите внимание на голову, на место
вокруг глаз и

скажите, что вы видите.

- Это отвратительно, - заявил Грогэн, но
наклонился так, что его нос почти
коснулся разорванной носовой впадины
черепе трупа.

- Трон Терры! -- тут же воскликнул он.

Кантор и Эрмет подпрыгнули, словно ужаленные и обступили его.

- Что это? -- спросил эксплоратор.

Трогэн отскочил прежде, чем Ансельм успел открыть рот.

- Разве вы этого не заметили? -- спросил он. -- Посмотрите на глазницы. Словно глаза вырваны, но приглядиесь внимательно.

Вывраны не только глаза, но и кожа вокруг них. Если вы посмотрите через окуляры, то поймете, что глаза не вырваны. Они

удалены. Что-то, или кто-то, удалил глаза с особой тщательностью, используя некое устройство для быстрого и очень аккуратного

их извлечения. Нет практически никаких следов порезов вокруг остальных ран на черепе -- всё сделано чем-то очень острым.

говоря иначе, глаза этого человека удалили неповрежденными. Но что за

существо забирает глаза и оставляет
остальные части

тела?

Ансельм запустил пятерню в свои волосы
и начал ходить по комнате. Затем резко
остановился:

- А что насчет глаз остальных?!

Он бросился к каталкам с телами,
стоящим за занавеской. Резко стянув
покрывала, он разочарованно замер.
Независимо от

полученных повреждений, приведших к
смерти, было ясно видно, что глаза других
были невредимы или хотя бы были на
месте.

Он повернулся к остальным:

- Мне нужно побыть одному. Я должен
подумать обо всем этом. Я осмотрю
другие тела -- возможно, в том, как они
умерли, найду

какую-нибудь зацепку, которая поможет
нам.

Кантор и Эрмет откланялись и ушли, а
Грозэн остался.

- Инквизитор, - с нажимом произнес Ансельм. - Я должен сделать это сам. Я обязан вверить эти души Императору и попросить их

помочь мне найти их убийц. Для этого мне надо быть одному.

Трогэн с подозрением поглядел на него.

- Что это? Некий ритуал?

- Нет, мне просто надо осмотреть другие тела, но мне необходимо иметь чистый разум, независимо от того, что скажут мне

результаты, не важно, какими странными и запутанными они могут показаться моему мозгу. Мне просто нужна тишина.

Трогэн, казалось, принял это во внимание:

- Хорошо, но мне нужен будет полный отчет.

И выходя из зала, добавил:

- И я должен узнать обо всем раньше остальных.

...

Через несколько часов Трогэн услышал стук в дверь своего жилища. Отложив

документы, которые читал, он открыл
дверь. На

пороге стоял Ансельм, выглядевший
устолненно и встревожено.

- Могу я войти? - спросил он.

Грозэн посторонился, Ансельм вошел и сел
за стол, заваленный документами и
расшифровками. Грозэн стахнул их в кучку
и сел

напротив него:

- Ну, что ты нашел?

- Всё еще хуже, чем ты подозревали,
начал инквизитор.

Лицо Грозэна дернулось, и Ансельм мог бы
поклясться, что видел, как промелькнуло
подобие улыбки по его старым твердым

чертам. Ничто не доставляло больше
удовольствия Грозэну, как помнил он, чем
приобрести врага, предпочтительней
еретика, которого он смог бы загнать в
угол, используя всю свою пламенную,
разрушительную, праведную энергию.

- Я остотрел все тела. Исключая Крэйнса,
они все, похоже, погибли в результате

нападения чего-то дикого и бешеного. Они буквально вывернуты. То, что их убило, было невероятно сильным, быстрым как тиранид, но размером с человека, двупное, с

двумя руками и ногами для передвижения, а не нападения. Это была атака кого-то бешеного, как я уже сказал, но исходя из вида

ран, я бы сказал, что тело перетащил кто-то другой. Цынти словами, здесь поработал не зверь, не сумасшедший, а хитрый безумец

с холодным расчетом.

- Что-то я не прослеживаю мысль. Как убийца может быть безумным и не безумным одновременно? Ты в своем уме?

- Есть кое-что странное в телах. У каждого отсутствует та или иная часть. Это было упущено при предыдущих осмотрах, но я нашел

связь после обследования Крэйнса. Даже в случае отсутствия у трупа руки, хотя факт её отсутствия очевиден, она, по

меньшей

тере, оказывалась удалена хирургическим
путем, довольно тщательно, уже после
смерти. Ампутирована, а не оторвана.

Пока Ансельм это говорил, челюсти
Грогэна чуть дрогнули.

- У нас отсутствуют сердце, мозг, глаза,
несколько костей и много килограмм
мышц с различных частей тела. У одного
тела сорвано

лицо, но так, что оно осталось
невредимым. И меня мучает вопрос --
зачем?

- И что же ты надумал?

- Я не мог ответить на этот вопрос, пока
не сделал последнее открытие, которое
означает, что ответ на этот вопрос
поможет

пролить свет на то, что на самом деле
произошло на Бездне. Это метка была
выжжена на задней поверхности глазницы
техножреца Крэйнса.

Ансельм наклонился вперед и подтолкнул
тонкий инфопланишет к Грогэну. Старший

инквизитор взял его и нажал кнопку активации. Инфопланишет вспыхнул бледным светом и осветил снизу лицо Грозэна. Ансельм смотрел, как изображение, видимое

ему вверх торташками, начало проявляться на экране планшета. Это был символ, четкий и темный, но все же трудно различимый, поскольку был виден человеческому глазу лишь в ультрафиолете. Он знал, что не сможет описать его, если его попросят об этом.

Казалось, что символ извивается и крутится словно корчащееся существо, но Ансельм знал, что логически это не возможно; это

был снимок, запечатленный в инфопланишете, и всё же он был полон смысла и силы. Ансельм понял, что грозит.

- Итак, - заявил Грозэн, слова, медленные и тяжелые, словно повисли в воздухе. - Хаос пришел на Бездну.

...

В дверь постучали. Грозэн щелчком очистил экран планшета, спрятал устройство в широкий рукав одежды и громко сказал:

- Войдите.

Дверь со скрипом открылась, и показалось взволнованное лицо Эрмета:

- Ваше преосвященство. Я думаю, вам лучше пойти со мной.

- Еще одна смерть? - спросил, поднимаясь, Грозэн.

- Нет, но мы кое-что нашли. Пожалуйста, пойдёмте со мной.

- Куда мы направимся? - спросил Грозэн.

Краем глаза Ансельм заметил, как правая рука его собеседника тянется к кобуре на бедре, в которую затолкнут хел лган.

- Та дверь, кто обнаружил инквизитор Ансельм -- мы открыли её, как вы приказали, - землекон выглядел возбужденным, словно от

него ускользало целое исследование, начало которому было только положено. Ансельм сочувствовал ему. У этого

человека была

опасная работа, но опасности он встречал
повседневно — здесь он был один на один с
двумя лучшими инквизиторами
Императора, один из которых явно
становился всё более воинственным.

Эрмет быстро повел их по туннелям и
проходам к месту, где они нашли тело
несчастливого техножреца.

На этот раз Ансельм не ощущал на себе
чьих-то взглядов и был этому рад. Он
чувствовал поднимающееся волнение: у них
уже

появились определенные успехи. Он
преуспел, собрав воедино подсказки с тел
любимых. Было довольно трудно сделать
это, но оно

того стоило. Если всё решиться на
Бездне, то его уже ничто не остановит.
Бездна будет только началом. Он
поднимется выше

своих братьев. Те, кто встанет у него на
пути, будут уничтожены...

Он тряхнул головой, силой заставляя себя

вернуться в реальность. Он устал. Он не спал с тех пор, как покинул Амриут двадцатидня

назад. После того, как Эрмет покажет им путь, то, к чему ведет их, ему хотелось бы успеть пропутать пару часов. Или, по крайней мере, воспользоваться стимуляторами, рискуя получить головную боль.

...

Комната, где они ранее нашли тело, ничем не изменилась с тех пор, как они забрали труп. Ансельм все также видел разбрызганную

кровь и темное пятно там, где в луже собственной крови лежал техножрец. Однако теперь единственная светосфера была

заменена на множество дуговых ламп, прекрасно освещающих обстановку. Слева от него был дверной проем, как раз в том месте, где его пальцы нащупали линии в грязном кирпиче. За ним была комната, наполненная ярким светом, который, казалось, одновременно создавал и разгонял тени по стенам. Эрмет встал сбоку от

проекта и сделал жест рукой, предлагая им войти.

Ансельм неосознанно глубоко вздохнул, и шагнул через порог, Грозэн последовал за ним.

Первым, что он заметил, был Кантор, начитывающий что-то в устройстве записи сервитора, который был напичкан аудио-видео

аппаратурой, спектрометрами и устройствами для определения влажности и плотности воздуха. Увидев, что пришли инквизиторы, Кантор отослал сервитора прочь. Тот коротко поклонился и вернулся к своей работе. Лицо Кантора светилось, когда он увидел старого друга.

- Если бы ты был членом моей команды, то мне пришлось бы поздравить тебя, - сказал он. -- Я бы сказал, ты наткнулся на некое

подобие сердца всех наших исследований, разве нет? -- и показал широким жестом.

Ансельм в удивлении огляделся. Комната

оказалась огромным, большим колонным залом, стволы колонн выглядели, словно гигантские деревья в лесу. Потолок был высоко и светился гневным красным светом, словно был неким пылающим океаном.

Потолок освещал зал, и волны света омывали его, создавая изгрудь света и тени, которую, входя, заметил Ансельм. Внезапно до него

дошло, что это было -- лава, расплавленный камень, бурлящая над нити, проведенная сюда теми, кто создал всё это. Они стояли

под озером огня, кипящим над головами.

Перед нити высились двойные двери почти двадцатиметровой высоты, каждая створка была почти шесть метров шириной. Но

виду сделаны они были из кованной меди или, возможно, бронзы -- в них слабо отражалось зарево потолка. Вокруг дверей были

вырезаны огромные иероглифы на

незнакомом ил языке. Глифы были по большей части изображениями, с линиями и крүгами, накладывающимися друг на друга. Невзирая на то, что он не мог их прочесть, они не выглядели чүждыми, и он расслабился.

Он заметил других техножрецов, некоторые направляли сервиторов, которые таскали огромные ящики с инструментами, тянули провода, нагрывались под непомерным весом. Другие делали пометки в инфопланишетах, третьи пытались разобратъся в

иероглифах. Он видел, как один из них приблизился к медным дверям, и коснулся их протянутой рүкой.

И тут же возник пронзительный гүл и насыщенно-красный лүч света вырвался из отверстия над дверью и сфокусировался на

техножреце. Сияние, исходящее от потолка, моментально потемнело, словно кто-то бросил чернильницу в емкость с яркой

жидкостью. Техножрец корчился в луче света, открыв рот в безмолвном крике. Свет исчез и человек упал, словно кукла с обрезанными нитями, как однажды это видел Ансельм на Дарси. Грозэн подбежал к жрецу и ткнул его носком ботинка. Никакой

реакции. Он опустился на колени, прижал пальцы к шее и объявил:

- Мертв!

И повысив голос, обратился ко всем в зале:

- Я требую, чтобы никто не касался этой двери. Эти глифы должны быть прочитаны и расшифрованы, результаты предоставить

мне в течение часа. Ансельм, нам надо поговорить. Один на один. Опечатать это место!

Последние слова предназначались Эрмету.

Кантор в ярости к нему обернулся:

- Инквизитор! Это место находится под юрисдикцией Агентус Механикус. Мы можем многое постичь, изучая надписи и конструкции. Вы не можете приказать

такое. Мы не можем терять время.

Грогэн был непреклонен.

- Техножрец, под страхом смерти я приказываю тотчас покинуть это место. И это касается всех.

Развернувшись на пятках, он покинул помещение.

...

Ансельм сидел за столом напротив Грогэна в небольшой комнатке. Старший инквизитор едва сдерживал гнев. Ансельм знал этот

взгляд. Это означало, что Грогэн почувствовал тиззлы порчи и точно знал, что будет делать с этим. Это также означало, что

альтернативы этому не будет.

- Я приказываю немедленную эвакуацию Бездны и затребую поддержки команды зачистки Астартес. Я хочу, чтобы взвод

Терминаторов прочесал это место, и даже если они ничего не найдут, я порекомендую Экстерминатус. Бездна - угроза Империи.

Империум это город, построенный за высокими стенами, и неизвестно что находится за их пределами. Наша работа и заключается

в том, чтобы защищать эти стены и то, что они ограждают, чтобы то ни стоило. Если здесь есть присутствие Хаоса, то я запечатаю

это место. Прискорбно, но необходимо -- я вынужден потребовать, чтобы присутствие эксплораторов тут было сведено к минимуму

и всё подвергнуто тщательной проверке.

Ансельм отлично знал, что это означает. Он и раньше присутствовал при расследованиях Грогэна, в бытность его учеником. Это

означало смерть для сознавшихся и пытки для тех, кто еще не сознался. Пока не сознался. Но, в конце концов, все признавали свою вину.

- Грогэн, мы должны продолжить расследование. Если здесь есть проявления Хаоса, мы должны понять его суть, но надо

вырвать

сердце, а не уничтожать тело только для того, чтобы добраться до опухоли. Здесь есть какое-то невообразимое зло, но будет много

лучше, если мы изучим то, что есть на планете. Ты слышал Кантора -- археотехники нашли нечто неизмеримое, возможно СШК, то, о

чем Агентус Механикус могут лишь мечтать. Вы не можете просто взять и уничтожить всё, ради чего эти люди работали и утирали, просто потому, что вы начали понимать то, что здесь произошло.

- Это из-за слабости, Ансельм. Всё, что не соответствует законам Империи -- мересь, исключений не бывает. Я удивлен, что ты не

запомнил это после того, что случилось на Танталусе. А случилось это из-за твоей слабости.

Ансельм заглянул в темные глаза Грозана. Его голос угрожал от гнева:

- Я не проявил слабость, Грогэн, и вы это отлично знаете. Проявление сдержанности это не слабость. То, что вы сделали на Танталусе, было из ряда вон и абсолютно не требовалось. Уничтожение планеты из-за одного взбунтовавшегося города -- ваш типичный подход к проблеме.

В загадочных глазах старшего инквизитора не возможно было ничего прочесть.

- Мне почему-то вспомнилось, Ансельм, что ты отвечал за подавление мятежа. У тебя в этом не преуспел. Я сделал то, что сделал

лишь потому, что мятеж угрожал стабильности всей звездной системы.

Ансельм постарался успокоиться. Не было смысла сердить Грогэна. Небрежные манеры еще ни разу не подвели, и Ансельм

знал по собственному опыту, что если он сорвется, то проиграет. Он глубоко вздохнул и, когда вновь заговорил, его голос был

спокоен:

- Могу я напомнить вам, Грозэн, что я провёл на Танталусе всего четыре дня прежде, чем ваши агенты вытащили меня оттуда.

Конечно я не смог подавить восстание: у меня едва хватило времени обосноваться.

- Танталус был в твоей юрисдикции. Мятеж должен был быть подавлен. Незамедлительно. Дипломатия хороша лишь, когда

противники находятся по разные стороны стола. И только. Это инструмент для слабаков, имперских послов. А Инквизиция это не

инструмент, это сама сила. Я уверен, что ты этого не забыл, - Грозэн глубоко вздохнул.

Губы Ансельма тронула легкая улыбка.

- Я прекрасно помню, инквизитор -- ваши уроки производили большое впечатление на всех. Но, возможно, нам стоит меньше концентрироваться на прошлом, и больше на настоящем.

Грогэн встал, зашуршав одеждой, и взглянул на хронометр.

- Я приказал никому не покидать своих жилищ этой ночью. Бездна приближается к ночному периоду. Пока не рассветет, ничего не

стожем сделать, а потом планета повернется к основным системам, и мы сможем послать сообщение Экклезиархии.

- Да, - Ансельм, молча проглотив окончание фразы, откланялся бывшему наставнику. Старик подобрал одежду и ушел; закрыв за

ним дверь, Ансельм почувствовал себя опустошенным. Ну почему это случилось всякий раз после разговора с Грогэном, словно он

снова в схолариуме, на месте по имперской этике или ищет ответ на непонятный вопрос по юрискодексу?

Он вытащил кейс с оружием из-под койки и положил на стол. Лег спиной на койку и закрыл глаза, пытаясь очистить мысли.

...

Ансельм проснулся и посмотрел на
светящийся хронометр, висящий над
койкой. Он проспал всего лишь несколько
минут и что-то

разбудило его. Какой-то чуть слышный
скребущий звук. Нет, не скребущий, а
больше похожий на шарканье мягкой ткани
по

гладкому катню. Ансельм потряс головой
и сел. Звук шел со стороны коридора, из-за
дверей.

Он на цыпочках направился к ним,
протирая по пути усталые глаза.
Приоткрыв немного дверь, Ансельм
выглянул в коридор. Там

был пуст. Ничего не было. Закрыв дверь, он
запер её на этот раз на замок. Рухнул на
койку и закрыл глаза.

...

Ансельму снился сон. В нем он крался по
лабиринту нижних уровней раскопок. И
снова он чувствовал на себе чьи-то взгляды
из

тьмы. Несмотря на то, что фонарика у

него с собой не было, он видел словно гнел,
и в этом сне мрачный и сложный
лабиринт не

вызывал у него страха. Наконец он достиг
комнаты, где они нашли тело. Оно снова
было там, сидящее у стены, заляпанное
кровью, пустые глазницы смотрели на
него, и темное пламя пылало в них.

Слева был дверной проем, освобожденный
сервиторами, и Ансельм чувствовал, как
он манит его к себе. Он вошел в проем, но
вместо огромного зала с колоннами,
оказался в тронном зале. Теплый свет
окружал его. Перед ним стояло возвышение
с тронном.

Трон был огромным, и на нем сидела
гигантская фигура в ореоле золотого
сияния. Во сне Ансельм знал, что это --
благословенный

святой трон Терры -- сам Император,
отец всего человечества.

Сердце зашло, и он неосознанно упал на
колени. Он взглянул снизу в древнее мудрое
лицо спасителя человечества... и увидел,

что всё плывет перед глазами, словно
плавится и течет, и теперь на троне
сидел зверь с торгой гуены, в пылающих
красных

глазах которого плещется неизмеримое
зло, глинная пасть ощерена в рыке или в
улыбке. Существо встало, складки
богатого

одеяния упали на пол. Протянуло руку, и
Ансельм увидел пять прекрасных колец,
блистающих на темных пальцах.
Существо

пристально уставилось на него.

- Ансельм! -- сказало оно глубоким сильным
голосом, в котором также была тьма и
злоба. -- Ансельм, мой верный слуга, ты
пришел

ко мне. Ансельм!

Голос звучал внутри его головы, и сердце
начало стучать так, словно вот-вот
взорвется в груди. А потом видение
исчезло, и

бешеный стук сердца превратился в
бешеный стук в дверь его комнаты:

- Ансельм! Открывай дверь!

...

Всё ещё под впечатлением от сна, он вскочил, инстинктивно схватив свой гробовик.

- Кто там? -- окликнул он.

- Эрмет, - прозвучало в ответ. -- Пришло сообщение от Экклезиархии с переводом иероглифов.

Ансельм осторожно приоткрыл дверь.

- Входи. И о чем они говорят? -- Эрмет вошел, но перед тем как закрыть за собой дверь, он обернулся и огляделся. Молча вручил

Ансельму инфопланшет.

- Сообщение закодировано и имеет наивысшую печать твоего Оргоса. Я не могу его прочитать.

Ансельм включил планшет и экран осветился. За мгновение был считан отпечаток его большого пальца и проведена

идентификация. Он ввел свой личный код и мешанина иероглифов на экране

превратилась в ровные ряды. Медленно,
начиная с

верхнего ряда глифы начали
преобразовываться в привычный текст на
Высоком Готике.

«Инквизитор Ансельм, - начал он читать,
- это сообщение предназначено только для
ваших глаз. Его содержание ограничено
лишь высшим кругом Оргоса и
Екклезиархии. Информация не может
быть передана кому бы то ни было без
нашего приказа».

Далее следовал перевод иероглифов
Бездны:

«Да будет всем известно, что мы,
Мугати, люди, потомки племени
Улатрут, объявили этот мир нашим во
имя Святого

Императора. Земли обрабатывались и
великие города строились во имя его. Мы
росли сильными, наш народ был храбрым,
многие отправились на службу в
тежзвездные армии Империи. Мы
торговали далеко за пределами нашей

системы. Мы были

гордым народом. Гордыня стала нашей погубелью. Око Первичного Зла обратилось в нашу сторону.

Когда начался варп-шторм, мы оказались отрезаны от наших братьев, защищающих другую часть галактики. В течение многих лет мы находились в страхе, ибо гнусные налетчики из Улматериума напали на нас. Один за другим наши города пали, а мы отступили к нашей столице. Здесь мы приняли наш последний бой.

Мы стойко держались и сумели отбросить врага, но затем они призвали Зарах'ула, нечистого слугу их богов, и ужасны были

разрушения, которые он вызвал. Наш город не мог противостоять такому противнику, и наш мир оказался на грани забвения.

Последняя битва произошла глубоко в катакомбах под городом. Лучшие наши воины отчаянно сражались, пока сам Зарах'ул не

выступил против Амарила, святого брата-инквизитора, лидера нашего народа. Амарил знал, что Зарах'ила нельзя ни убить, ни изгнать своими силами, растраченными за месяцы боев. Вместо этого, последним действием, что уничтожило его тело, он заключил Зарах'ила за великими дверями прометия, запечатав их словами

великой силы так, чтобы он никогда не смог освободиться.

Наша планета уничтожена, нашего народа больше нет. Я, Дратул, последний из Мугати, специально вырезал эти слова на стене темницы, чтобы любой, кто прочитает их, знал это».

Сердце Ансельма похолодело. Что же мы открыли здесь, подумал он.

И тут он внезапно понял, что делает здесь. Экклезирахия уже послала одного инквизитора для расследования случившегося на

Бездне. Зачем же посылать еще одного? Что если его Оргос каким-то образом

узнал, что такое Бездна. Их архивы
бесконечные и

древние. Что если они послали его на
Бездну чтобы помешать Грогэну, верному
муританину, уничтожить все следы
присутствия

демона? И заодно отправить в небытие
всё, что Мугати узнали из их борьбы,
древние силы, что смогли заключить
демона в

подземной тюрьме?

- Где Грогэн? - спросил он.

- Его нет в своих покоях, ваше
превосходительство, - ответил Эрмет.

Ансельм повернулся и открыл кейс с
оружием. В углубление из красного
бархата был вставлен древний меч.

Ручка

работы была сделана из красивой
древесины и обвита кожей. Он вытащил
его и поднял к лицу, нажимая на кнопку на
ручке, чтобы проверить меч. Металл
лезвия загудел, острые кромки замерцали.
Он вновь нажал кнопку и гудение исчезло,

меч

отключился.

- Поїдем! -- сказал он испуганному
эксплоратору. -- Поїдем и найдем его. Я
догадываюсь, где он может быть.

...

Пока Ансельм спал, Грозэн расхаживал по
комнате, пытаясь чем-то занять себя в
ожидании момента, когда сможет
призвать на

Бездну божественное возмездие.

Услышав шаркающие звуки в коридоре, он
остановился. Тихонько приоткрыв дверь,
он увидел Кантора, исчезающего в
крошечной

тьме в конце коридора.

Окликнув его, ответа не дождался. Куда
мог направиться этот дурень? И после
того, как он запретил кому бы то ни было
отлучаться

этой ночью. Грозэн прихватил свой
хеллган, и, на всякий случай, цепной меч.

К тому времени, как он достиг конца
коридора, Кантор исчез. Но Грозэн знал,

куда он мог направиться. Этот проклятый
ученый-

идуот отправился изучать глифы.

Он пошел по отметкам, которые они
сделали ранее, пока не уперся в глинный
прямой проход. Приближаясь к комнате с
дверью, он

смог расслышать еле слышные звуки
тихого пения. Встревоженный, он крепко
зажал хеллган в левой руке, пальцы правой
активировали цепной меч. Тот начал
тихо трещать, свет светосфер затерцал
на вращающихся зубьях.

Встав сбоку от двери, Грогэн осторожно
заглянул внутрь.

Там он увидел огромные колонны,
уходящие вверх, их поверхность
переливалась в свете, падающем с
потолка. Тени окутывали их

подножия, словно приковывая каждую
колонну к своему месту тьмой. Свет
обрисовывал каждый скрипт, вырезанный
на стенах

вокруг двери.

И израл на фигуре Кантора, техножреца и последователя этих Agentys Mexanicys, который стоял перед большой медной дверью, широко раскинув руки, древние слова лились из его горла:

- Эль'ах тихар, кун талаас, ан ах! Зарах'ил кун талаас!

Слова висели в воздухе, словно лаганы в храме, и их звук причинял боль ушам Грогэна. Это были нечестивые слова, слова призыва, слова силы. Слова зла. Голос Хаоса.

Глифы, вырезанные на больших кованых медных дверях, начали пылать, завитки вспыхивая запылали на них, перепрыгивая с руны на руну. Свечение потолка начало темнеть, тучи цвета кровопотоков начали собираться в искусственном небе. Дрожь

подняла пыль под ногами Грогэна. Пение Кантора стало громче.

Грогэн перешагнул порог зала, направил дуло хеллгана в спину техножрецу и прооревел:

- Ученем Императора, нечестивый фанатик, прекращай свое пение, или сдохни!

То, что последовало за этим, было последним, что он ожидал. Кантор перестал петь и обернулся к нему. Его глаза были черными

точками тьмы, зрачки расширены до размеров глазниц. Лицо искажено в напряжении, рот широко раскрыт на середине пения.

Затем Грогэн увидел его руки. На месте пальцев были отливающие металлом ногти, разорвавшие кожу рук. Он видел их кончики, блестящие от крови.

Кантор опустил руки и протянул их к Грогэну.

- Добро пожаловать, инквизитор! -- прошипел рот голосом, не принадлежащим Кантору. Это был мрачный, сухой, пыльный голос

навечно заключенного и не предназначенный для слов. -- Ты как раз успел к моменту моего освобождения. Но

осталось еще

последнее заклинание и ты не сможешь
преодолеть это.

Существо указало в сторону, и Грозен
обратил взор в этом направлении.

Из тени одной из колонн появилось
чужовище из самых глубин ада.

Оно напоминало человека, у него были
голова, торс и четыре конечности, но на
этом сходство кончалось. Тварь,
пошатываясь и

вытянув руки, шла к нему, лапони
заканчивались когтями, выглядевшими,
как металлические шины, вылезшие из
плоти. Конечности

были покрыты красными мышцами,
сочащимися ихором и слизью, кожа
отсутствовала. Лицо существа было, по-
видимому, пришито

к черепу частями и висело так, что
черты расползались в морщинах в местах
скрепления разных кусков, заканчиваясь
разрезом

там, где челюсть скреплялась с верхней

частью черепа. Куски металла и то, что
выглядело, как механизмы, было встроено в
тварь

через неопределенные интервалы, часть
выступала на ноге, часть на груди. Оно
ковыляло к Грогэну, издавая кровожадное
шипение изломанным ртом.

Грогэн отпрыгнул назад и услышал, что
нение возобновилось. У него не было
времени подумать о том, чем прежде было
это

существо. Он включил большим пальцем
цепной меч и услышал обнадеживающий
звук, с которым зубы разрывали воздух.

Зверь покрыл расстояние между собой и
инквизитором за два больших шага. Грогэн
почувствовал тошнотворный запах
гниющей

плоти. Металлические когти прошлись
по его груди, высекая искры из брони.
Инквизитор заехал ботинком в коленную
чашечку

твари и отбросил её назад. Зверюга упал
на одно колено, но быстро поднялся. Грогэн

увидел белую кость в том месте, где его ботинок сломал колено твари, но та, похоже, не чувствовала боль, и вновь набросилась на него.

Грогэн взмахнул мечом, погрузив его в плечо твари. Но кровь не хлынула из раны, вместо этого плоть разошлась, открыв влажно

блестевшие мышцы.

Чудовище яростно взревело и прыгнуло на Грогэна. Оно врезалось ему в грудь всей массой так, что выбило воздух из его легких.

Он упал на спину, правой рукой упираясь в грудь твари, чтобы слюнявые челюсти не разорвали ему горло и задыхаясь от вонючего

дыхания. Не сумев добратся до лица, существо начало бить ногами в живот инквизитора. Грогэна накрыла волна боли. Медленно

он прижал дуло хеллгана к животу твари и нажал курок.

Вновь раздался рев - существо отлетело и

сдохнулось на пол недалеко от Грозэна.
Нахлынувшее зловоние гнилой плоти
вызвало у

инквизитора тошноту. Он вскочил на
ноги.

И застыл...

Огромные двери перед ним были
приоткрыты. Между ними стоял Кантор
в ореоле мерцающего света.

Нет, не стоял, висел. Старый техножрец
висел в нитбах света, словно терзаемый
еретик, корчащийся от боли. Завитки
света

оплетали его тело и вились вокруг него.

Темный голос заговорил снова, но на этот
раз прямо в голове Грозэна, а не через
Кантора. И в то же время он разнесся по
всему

залу, заставляя дрожать колонны:

- Инквизитор! Великодушно приветствую
тебя!

Инквизитор поднял хеллган.

- Сдохни, адское отродье! -- выплюнул он и
нажал курок.

Оружие выстрелило вспышкой света, и он увидел, как снаряд полетел в Кантора. Но тут в воздухе возникло мерцание, и сама ткань

реальности стала вязкой. Пуля замедлилась, остановилась, а затем безвредно упала на пол. Потом рукоятка хеллгана выпрыгнула

из руки. Затем выскользнул цепной меч и оба оружия с грохотом упали на пол.

- Да уж, инквизитор, никакой фантазии, - голос стал по-отечески успокаивающим, словно он разговаривал с обиженным любимым

чадом. - Я звал тебя сквозь время и пространство, и вот как ты встречаешь меня.

- Кто... кто ты? - спросил Грозный угрожающим голосом.

- Я Зарах'ул, Великий Разрушитель, Пожиратель Душ, демон, осквернитель миров. Бесконечные муки я причинял галактике. Целые

системы пали предо мной. А затем мой

великий крестовый поход привел меня на
эту проклятую планету. Ничто не могло
противостоять мне, пока я не столкнулся
лицом к лицу с одним человеком,
инквизитором из твоего зарождающегося
ордена, сплотившим вокруг себя народ. Он
изучил меня, знал, что не сможет меня
убить. Вместо этого этот трус создал
темницу и

заклучил меня в ней. Целую вечность
топился я в этой ловушке, этой бездне,
пока царапанье этих рабов Механикус не
пробудило

меня от спячки. Они даже не
догадывались, что вся эта планета была
моей тюрьмой, а я был похоронен в самом
сердце.

Как только они прорвались сквозь
городские пределы во внешние залы
темницы, я понял, что мое время
приближается. И один, вот

этот техножрец, пылал жаждой знаний и
прокопался глубже всех в планету. Всё еще
слабый после долгого заключения, я все же

был способен иногда управлять им. С
каждым часом день моего освобождения
приближался, но что дальше? Я в ловушке
на

планете полной стариков и
полумеханических существ. Их дух слаб. Я
погибну без сильных душ, способных
накормить меня.

И тогда я понял, как выжить и
процветать, и использовать самый
лучший инструмент Империи и для
своего освобождения, и как

орудие мести. Через этого человека я
выбирался в город много раз, убивая его
товарищей. Как же я вновь ставил
кровопролитие

после всех этих столетий. Как я смеялся
над их жалкими криками, когда вырывал
всё ещё бьющееся сердце у одного, плоть с
костей другого. Я вновь чувствовал себя
свободным. И под моим руководством этот
человек создал существо, которое ты
только

что уничтожил. Оно защищало его от

любой опасности, пока двери не были
обнаружены и раны, заточавшие меня, не
были

прочитаны и сломаны.

И я знал, что он будет испуган
убийствами, о совершении которых он не
помнил ничего - гнет он был самим собой,
абсолютно не

полня о том, что сделал под моим
контролем. Я прочитал его разум и узнал
о старой дружбе с инквизитором. Он мог
бы позвать на

помощь старого друга и тот бы пришел.
Сильный, решительный, полный сил и
амбиций человек, а затем я бы завладел
этим

телом, покинул эту планету и свершил бы
месть руками высокопоставленного
чиновника Империи. Какая ирония, не
так ли?

Грогэн стоял, пораженный смыслом
сказанного. А затем сделал шаг назад.

- Не так быстро, человечек. Я мог бы
говорить долго, я очень давно не слышал

собственный голос. Но пришло время действовать.

Кантор протянул руку. Завиток мерцающего света слетел с неё и встретился к Грогэну. Мерцание охватило его, и демон овладел

его корчащимся телом. В тот самый момент, как свет коснулся инквизитора, сияние, окружающее Кантора исчезло.

Техножрец

рухнул на пол бесформенным мешком. Он поднял голову и взглянул на Грогэна, его глаза вновь стали нормальными, а тело его

собственным.

- Прости, - прошептал он, и его голова упала. Глаза остекленели и он затих.

Зарах'ил вытянул свои новые руки, и лицо Грогэна скривилось в некой пародии на улыбку. Услышав шум, он повернулся и

встретился лицом к лицу с Ансельмом.

Демон понял по выражению лица инквизитора, что тот видел всё, что произошло за

последние несколько мгновений. Он протянул руку и меч, отброшенный Грозаном, влетел в его ладонь. Активировав его, демонмахнул им в сторону Ансельма.

Ансельм поднял свой меч и боком прошел в зал, одновременно активируя своё оружие. Грозан набросился на него с мечом, кажущимся пятном кружащихся зубьев. Ансельм парировал удар своим оружием и оба меча встретились в воздухе, высекая искры

освобождаемой энергии. Рука Ансельма заныла от силы удара. Грозан и раньше был намного сильнее физически, а теперь еще и

демон, вселившийся в инквизитора, добавил ему своих адских сил. Меч Ансельма скользнул по всей длине оружия противника и, как только лезвия разошлись, младший инквизитор с разворота сделал нижний взмах по широкой дуге. Грозан отпрыгнул, легко уходя от удара, и ревом наслаждения вырвался из его глотки.

- Вы, людишки, не такие и слабые, как я вас помню. Этот сильный, да и ты также искусен во владении мечом. Мне нравится наш

поединок.

Ансельм посмотрел в лицо своему старому учителю и увидел, что оно изменяется -- на секунду он увидел звериную морду демона, ухмылку змеи, глинные зубы; видение прошло, и облик Грогэна стал прежним.

Ансельм старался не думать долго о Грогэне как о человеке; он был созданием тьмы, сосудом для адской силы. Именно так бы

думал Грогэн на его месте. Его бывший наставник без проблем бы казнил его, уступив Ансельму демоническим силам, несмотря на

всю прискорбность происходящего.

Ансельм сделал ложный выпад и отступил. С ревом Грогэн бросился вперед. Ансельм увернулся от меча и выставив ногу, подсек

противника. Существо споткнулось и
врезалось головой в стену. Оно развернулось
и на краткий миг изменились глаза а --
Ансельм

увидел, что глубокие колодцы тьмы
очистились, и на него взглянул сам Грогэн.

- Ансельм, ученик мой, - прохрипел он. --
Вспомни, что путь инквизитора... лишь
святой огонь. Должен... клин... клином
вышибить.

Глаза на миг потемнели, а затем
вспыхнули светом. Грогэн сделал какой-то
жест. Его хеллган, лежащий до этого у
стены, влетел в

его руку. Он поднял его, направляя на
Ансельма... потом медленно, грожащей
рукой, направил в потолок.

- Беги... отсюда! - прохрипел Грогэн и
нажал на курок. Снаряд вылетел и ударил
в потолок. Спустя мгновение тишины
раздался

жуткий рев. Потолок над демоном рухнул
и спустя миг каскады расплавленной
магмы низринулись вниз, стывая Грогэна

вдогоняют

пылающего жара. С шипением лава покрывала пол, быстро застывала и вновь заливалась бесконечными потоками с потолка, в

центре этого возвышался сталактит, образовавшийся вокруг Грогэна.

Ансельм отскочил и бросился бежать от наступавшей по пятам лавы. Он споткнулся, и ботинки задымились от капелек

расплавленной породы, попавшей на них. Поток не ослабевал, и Ансельм почувствовал, как закручиваются ресницы от

невыносимого жара. Собравшись с силами, он бросился прочь из зала. Бросив взгляд назад, он увидел, что зал начал наполняться

быстро застывающей лавой. В дверях он столкнулся с Эрметом, в ужасе наблюдавшим за происходящим, и, схватив потерявшего

дар речи эксплоратора, потащил за собой.

Они бежали до самого глинного коридора. Позади них, в устье коридора, была стена пылающего камня, медленно и неуклонно приближающаяся к ним. Страх придал им сил, и натужно закричав, они вновь побежали. Лава позади них всё прибывала, навсегда

погребая в себе тело бывшего учителя и демона, овладевшего им.

Достигнув командного модуля, Эрмет отдал приказ об эвакуации. Раскопок на Бездне больше не существовало. После всей жутки, что произошла здесь, никто не будет больше копаться здесь. Секреты Бездны остались навеки погребенными под бесчисленными тоннами камня.

Чуть позже, сидя пристёгнутым на сиденье имперского челнока, уносящего их с планеты, Ансельм оглянулся на место раскопок, исчезающее в яростном горниле родившегося вулкана. Он обдумывал последние слова Гроэна, и, в первый раз с тех пор, как был

принят в низший ранг инквизиции, был
согласен со словами своего старого
наставника и бывшего противника. Во
вселенной, полной Хаоса и тьмы, иногда
необходимо клин вышибать клином

...